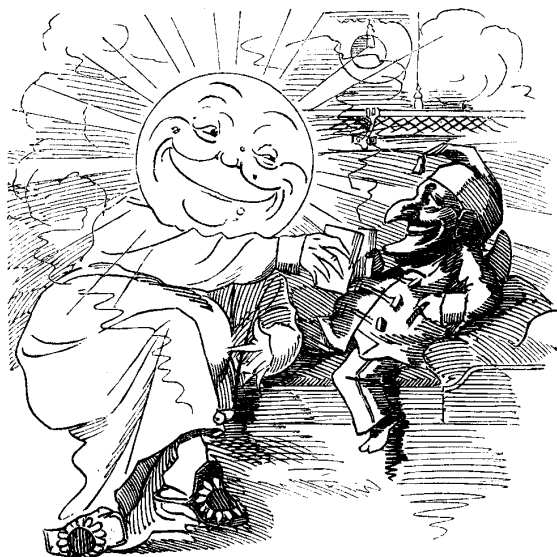

Классики
и Мора

Классик юмора

Игорь Губерман

Гапуки

ЭКSMO
2014
Москва

УДК 82-7/1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г 93

Ю. Кушак, составление

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Губерман И.

Г 93 Гарики / Игорь Губерман. — М. : Эксмо, 2014. — 512 с. — (Классики юмора).

ISBN 978-5-699-69265-1

Игорь Губерман – автор знаменитых «гариков», афористичных и сатирических четверостиший, темой которых является жизнь во всем ее многообразии. В сборник вошли «Гарики на каждый день», «Камерные гарики», «Гарики из Иерусалима», «Закатные гарики», а также несколько глав из книги «Пожилые записки». Его произведения притягивают глубиной и искрометным юмором, а при упоминании имени этого обаятельного человека загорается улыбка, поддерживаемая дружеским чувством к автору.

УДК 82-7/1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-699-69265-1

© Губерман И., текст, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

На дворе стоит эпоха

Хорошие глаза у Губермана. Недоверчивые и несколько потерянные. Виделся-то я с ним полтора раза. Подружиться не успел. Почти не выпивал. Поэтому суждения мои о его творчестве свободные, очищенные от знания человеческих черт, какими бы они ни были...

Всегдашнее недоверие вызывает у меня обязательная строгая поэтическая форма. Все эти венки сонетов и стада газелей. Что ты, ей-богу, суровый Дант, закываешь своего Пегаску в четырнадцать строк? Скачи, как скачетя. Разве что японские трехстрочные хокку и пятистрочные танки всегда органичны. Но там другое дело: смысловой пейзаж создает не только слово, но и его начертание. Гляньте-ка — у Губермана среднее между хокку и танкой — четыре строки. Теперь попробуйте вспомнить знаменитые четверостишия, написанные на русском. Кажется, два: «Умом Россию не понять...» и «Она тогда ко мне придет...». Нехарактерно подобное самоограничение для русского стиха. У Губермана сотни этих коротышек. Да еще название — «гарики».

Признаюсь, такого рода жанровое самоуважение мне претит. Понты последнего времени. Особенно грешат этим юмористы. Все эти «шендевры», «вишневский сад», «кнышутки». Даже безупречный М. М. подарил «жваньками». Теперь представьте себе «щедринки» и «гоголютки». Не представили.

Теперь вот что. У вас есть роман Роже Мартен Дю Гара «Семья Тибо»? Возьмите книжку, которую сейчас держите в начитанных руках, и запишите за сказанную семью. Дитя туда точно не полезет. Если вы, конечно, хотите, чтобы ваше дитя так и осталось на уровне телепузиков и смертельной борьбы памперсов с прокладками. Если хотите, чтобы оно, дитя, сделалось вашим собеседником и думало о быстротекущей жизни, о полынной судьбе своей одной шестой, о том, что смеяться над чем-либо вовсе не означает нелюбви к этому чему-то, — дайте ему эту книгу. Откройте наугад.

Я Россию часто вспоминаю,
думая о давнем дорогом,
я другой такой страны не знаю,
где так вольно, смиренно и кругом.

Указательный палец дитяти потянулся перевернуть страничку. Он читает далее:

Я вдруг утратил чувство локтя
с толпой кишашего народа,
и худо мне, как ложке дегтя
должно быть худо в бочке меда.

Печально-то как! Традиционная романтическая позиция — вы народ, я поэт. Только наоборот. Не вы чернь, я чёрен.

Без ощущения отделенности, отдельности нет поэта. Легко определить эту отдельность, как еврейство. Ничего не получается. В обетованных куцах она у Губермана не исчезла, если не усилилась. Говоря о русских четверостишиях, мы не сказали о чашушке. Несколько «гариков» счастливо потеряли

авторство и стали народными. Самая завидная доля для автора. Кажется, еще в семидесятом году я пел: «Я евреям не даю, я в ладу с эпохой...» А вот он, оказывается, кто автор!

Губерман поэт брутальный, «мущенистый». Он во многих стихах подчеркивает это качество, с осознанным достоинством погромаживает своими сексуальными доспехами. И был бы ужасен, если бы столько же над ними не иронизировал. Многих стихов заправских лириков и даже романов стоит его формула:

На дворе стоит эпоха,
а в углу стоит кровать,
и когда мне с бабой плохо,
на эпоху мне плевать.

Наверное, бабам с ним хорошо.

Новейшее время выявило множество заявителей о своей борьбе с режимом. Губерман, похоже, не заявляет. Хотя он, в отличие от большинства борцов, по-настоящему хлебнул баланды.

В истории поэзии немного творцов, творчество которых не делилось бы на «периоды». В русской поэзии таковым считается Тютчев. Вовсе не проводя параллелей, заметим, что Губерман идет по прямой дороге. Его стихи с годами не становятся мудрее. И глупее не становятся. Не становятся изощреннее, но и не теряют остроту.

Трудно о нем писать. Сам избранный им жанр определяет эту трудность. В лесенке четыре ступеньки, но лесенок бессчетное множество. Ведут они к горным и горьким высотам и ровно в той же степени — в подвалы.

Но точно — не в пустоту.

Вадим Жук

Пунктир жизни (Автобиография)

С радостью хочу начать с того, что я — коренной москвич, шестьдесят пять лет тому назад родившийся в Харькове. Я думаю, что мама увезла меня туда рожаться, чтобы, не тревожа папу, сделать мне обрезание. Поскольку ровно на восьмой день я уже вернулся в Москву с отрезанным — так шутили впоследствии — путем в аспирантуру. Впрочем, это ни моих родителей, ни тем более меня тогда отнюдь не волновало. До двух лет я не говорил, а объяснялся жестами — уже соседские родители стали бояться, что со мной общались их дети. Но потом я все-таки заговорил, а все, что умолчал, наверстываю до сих пор.

В школу меня отдали сразу во второй класс (я уже умел читать и писать), при поступлении мне учинили мелкий экзамен, я забыл, как пишется заглавная буква «д», и горько расплакался, но меня все же приняли. С тех пор я многие годы сладко плачу на сентиментальных кинофильмах — особенно про сельское хозяйство. А на закате очень тянет выпить. Два этих последствия от детской травмы породили во мне много лет спустя интерес к психологии, и про все, что слабо достоверно, я стал писать научно-популярные статьи и книги.

Но до этого я кончил школу, поступил в железнодорожный институт, обрел диплом инженера-электрика и много лет с омерзением работал по специ-

альности. Однако же образование зря не пропало: я соблазнил свою будущую жену мгновенной починкой выключателя у торшера в ее комнате. После чего мы погасили этот осветительный прибор и перешли к совместному ведению хозяйства. Что продолжается уже почти сорок лет. Я очень счастлив, а за жену не гарантирую, не спрашивал, уж очень она тонкий и тактичный человек, и правды все равно я не узнаю. А секрет нашего долгого душевного согласия мной давно уже раскрыт и обнаружен: размер туфель жены — это год моего рождения, и наоборот, более глубокая причина вряд ли существует.

В семейной жизни я угрюм, неразговорчив, деспотичен, мелочен, капризен и брюзглив. Очевидно, именно поэтому все полагают, что в стихах я юморист. А я — типичный трагик, просто надо уметь это читать, но все предпочитают устоявшуюся репутацию.

Первый год по окончании института я работал в Башкирии машинистом электровоза, в силу чего на всю оставшуюся жизнь сохранил замашки пролетария: носки меняю редко и подозрителен к высоколобым очкарикам.

Жил я интересно и разнообразно, в силу чего заслужил возможность продолжить свое образование в тюрьме, лагере и ссылке. Сажали тогда, в сущности, по всего одной статье, она сполна выражала собой весь томик Уголовного кодекса: «Неадекватная реакция на заботу партии и правительства». А я действительно уже много лет портил своими стихами атмосферу глубокого удовлетворения, в которой пребывало население страны. Пять лет на этом гуманитарном факультете миллионов пошли мне весьма на пользу, я советской власти очень благо-

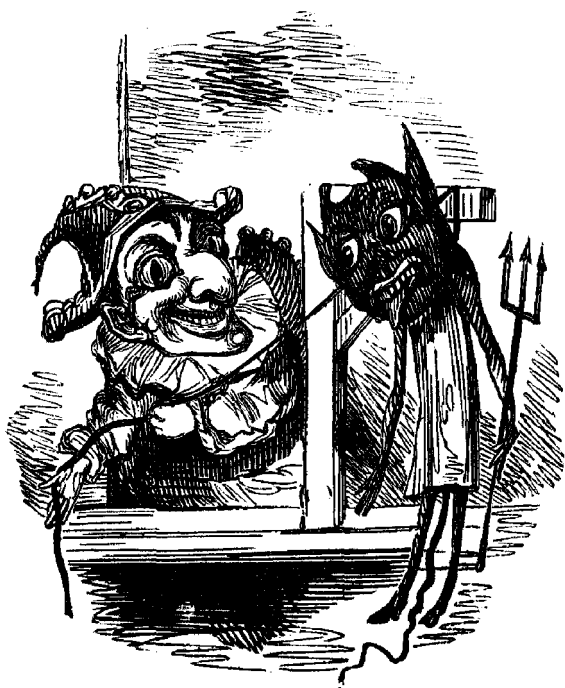
дарен. Кстати, в юности меня довольно часто били (поделом — я был еврей, тихоня и отличник) — этим сверстникам я тоже очень признателен, ибо физически с их помощью развился.

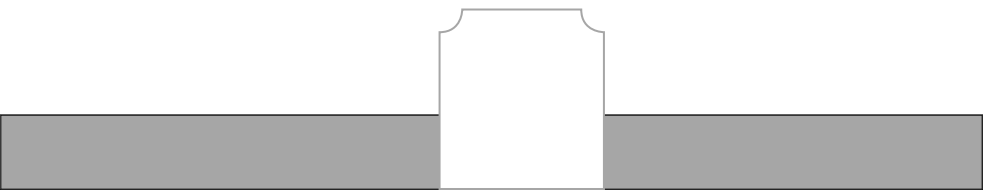
Благодаря двум детям (дочь и сын) мы с женой исполнили свой долг по воспроизведению человечества. Уже тринадцать лет мы все живем в Израиле, где нам жарко, опасно и замечательно хорошо. Здесь я смог воочию убедиться, что самая гениальная выдумка антисемитов — это миф о поголовной умности еврейского народа. Ох, если б это было так!

Много езжу выступать в разные страны, где наглядно вижу, что, где нас нет, там тоже не чрезмерно хорошо. В силу этого я и на склоне лет остаюсь оптимистом, сохраняя недоверчивую любовь к человечеству. Все остальное сказано в стихах, сопровождающих неровный пунктир моей жизни уже несколько десятков лет.

Игорь Губерман
июль 2001 г.

Гарики на каждый день

Том первый

*Утучняется плоть,
Испаряется пыль.
Годы вышли на медленный ужин.
И приятно подумать,
Что все-таки был
И кому-то бывал я нужен.*

Глава 1

КАК ПРОСТО ОТНЯТЬ У НАРОДА СВОБОДУ; ЕЕ НАДО ПРОСТО ДОВЕРИТЬ НАРОДУ

Мне Маркса жаль: его наследство
свалилось в русскую купель:
здесь цель оправдывала средства,
и средства обосрали цель.

Во благо классу-гегемону,
чтоб неослабно правил он,
во всякий миг доступен шмону
отдельно взятый гегемон.

Слой человека в нас чуть-чуть
наслоен зыбко и тревожно,
легко в скотину нас вернуть,
поднять обратно очень сложно.

Я молодых, в остатках сопель,
боюсь, трясущих жизнь, как грушу,
в душе темно у них, как в жопе,
а в жопе — зуд потешить душу.

Когда истории сквозняк
свистит по душам и державам,
один — ползет в нору слизняк,
другой — вздувается удавом.

Добро, не отвергая средства зла,
по ним и пожинает результаты;
в раю, где применяется смола,
архангелы копытны и рогаты.

По крови проникая до корней,
пронизывая воздух небосвода,
неволя растлевет нас сильнее,
чем самая беспутная свобода.

Перо и глаз держа в союзе,
я не напрасно хлеб свой ем:
Россия — гордиев санузел
острейших нынешних проблем.

Мне повезло: я знал страну,
одну-единственную в мире,
в своем же собственном плену
в своей живущую квартире.

В года растленья, лжи и страха
узкая дозволенная сфера:
запретны шутки ниже паха
и размышленья выше хера.

С историей не близко, но знаком,
я славу нашу вижу очень ясно:
мы стали негасимым маяком,
сияющим по курсу, где опасно.

Возглавляя партии и классы,
лидеры вовек не брали в толк,
что идея, брошенная в массы, —
это девка, брошенная в полк.

Все социальные системы —
от иерархии до братства —
стучатся лбами о проблемы
свободы, равенства и блядства.

Нас книга жизни тьмой раздоров
разъединяет в каждой строчке,
а те, кто знать не знает споров, —
те нас ебут поодиночке.

В нас пульсом бьется у виска
душевной смуты злая крутость;
в загуле русском есть тоска,
легко клонящаяся в лютость.